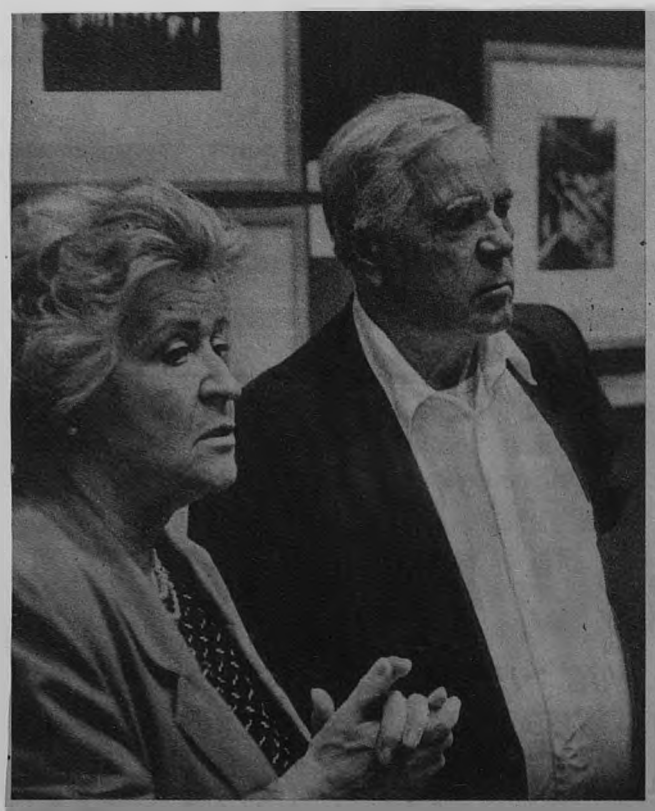
 Вер. клуб. - 1996. - 15 июня. - с 5.



«Я перед Врубелем робею, как ребенок»

Нашему корреспонденту довелось сопровождать Виктора Астафьева и Ирину Антонову во время осмотра выставки "Москва — Берлин — Москва".

Если кто из молодых еще не знал в лицо Виктора Астафьева или кто из старых уже подзабыл (Виктор Петрович живет в деревне Овсянка под Красноярском, несмотря на всю свою мировую известность), то после недавнего визита к нему Президента теперь писателя в Москве узнают все. Знаменитость в толпе — всегда чудо-юдо, даже в богатой на известные личности столице. А уж кто читал Астафьева — и вовсе смотрят на него как на последнюю инстанцию. Не так много, особенно за препротивные последние годы, осталось у нас в России людей настолько спокойно-бескомпромиссных, с таким высоким достоинством и внутренней свободой, с такими чистыми руками, что Президент самолично ездит к ним "засвечиваться", рейтинг поднимать, и при этом еще, наверное, волнуется — а примут ли?

8 июля Астафьев выступил на собрании деятелей науки, культуры и искусства в Академии наук, где интеллигенты, как водится, каялись, что "страшно далеки они от народа". Об Астафьеве не скажешь, что далек. И с диалектизмами своими он тоже не борется, и лицо у него от природы простое; правда, когда он ведет в своей речи какую-нибудь важную мысль, все добродушно-деревенское с лица улетучивается, и Астафьев становится похож скорее на какого-нибудь античного мудреца или полководца, но из стоиков. А так — душа-человек. Кажется, веселый (уверяет, что так и есть, но это если с ним кокетничать). Кажется, доступный для всякого встречного-поперечного и страшно общительный (а чего тогда в деревне живет анахоретом?).

Директор Пушкинского музея Антонова на той самой встрече в Академии наук предложила Астафьеву на следующий день, в воскресенье, приехать к ней на выставку "Москва — Берлин — Москва". Вот кому Астафьев совсем не кажется ни простым, ни веселым. Вот уж кто волновался: "Он такой глубокий, восприимчивый человек, а выставка-то огромная. Как бы ее показать, чтобы не устал; его ведь, наверное, замучили уже тут, в Москве. Кроме того, выставка эта людей воевавших очень волнует. Непредсказуемая экскурсия..."

Она встречала его на улице ровно в двенадцать, боялась, вдруг машина мимо проедет. Хотя у Пушкинского автобусов полно — у всяких легальных и нелегальных "Интуристов", наверное, дело в гору пошло: ведь и на "Москву — Берлин", и на "Сокровища Трои" из Европы специально посмотреть приезжают. Но особых толп в залах, к счастью, не было. Хотя на Астафьева все время и скромно косились, и откровенно пялились.

По этой выставке часов пять-шесть ходить надо, не меньше. Но Ирина Александровна наступила на горло собственной песне и дала себе слово уложиться за час.

— Я знаю, я знаю, как вы смотрите, — говорила она Астафьеву, когда они поднимались по главной лестнице к залам. — Вы как Рихтер: он не может сразу все на свете. Он пять — семь картин воспринимает, а потом устает... Ну пошли. Это — за 50 лет живопись, литература, театр, музыка, все виды культуры. Взаимоотношения, параллели, перекрестки. Где-то рядом, где-то врозь. Где-то похожи, где-то ненавидим друг друга...

В первом зале (самый конец XIX — начало XX века) Астафьев вдруг остановился у панно Врубеля:

— А это что за картина?

— Это полет "Фауста и Мефистофеля", 1896 год. В данном случае интересно, что Врубель обращается к немецкой культуре, к Гете. Такие панно делались для украшения дома. А напротив — такого же типа немецкое: "Руджеро с оруженосцем" Ловиса Коринта.

— Я перед Врубелем робею. Я нежно люблю Нестерова, допустим. А перед Врубелем мне, как маленькому ребенку, жутко немножко становится.

Так и шли по залам. В третьем, у военных фотографий — пока еще 1914 года, — остановились, конечно. Рассматривает: наши, из Исторического музея — бойцы, стрелки, митинги, бронепоезд. Их — для нас интереснее. Перемирие в Брест-Литовске, идиллия в блиндаже, тяжело раненный русский просит о помощи. У них больше крупных планов. Работы мастера Альфреда Кюлевиндта.

— Они еще могли позволить себе копать окопы широкие, — наклонившись, разглядывает Астафьев. — А мы уж не-ет, нас загнали в узкие. Наши в узких сидели. И сидят.

В пятом зале, посвященном кино, множество афиш знаменитых или модных в свое время фильмов. Вот плакат Байна "Panzerkreuzer "Potemkin" — "Броненосец "Потемкин" (Российский архив литературы и искусства).

— Виктор Петрович, а вы любите этот фильм?

— Я не знаю, любить — не любить его. Любить можно женщину.

— Ну как произведение искусства. По-моему, очень сильное.

— Сильное — вот это правильно. А то "любить" — слово-то уж больно хорошее.

В центральном, Белом зале — авангард 20-х; справа наш, слева немецкий. Остановка перед композицией Георга Гросса "Обезумевший обыватель Хартфилд. Электромеханическая скульптура, посвященная Татлину". Портновский манекендама, с ножом и вилкой у сердца, лампочкой вместо головы и вставной челюстью между ног. Астафьев — не то в шутку, не то всерьез:

— Хулиган! Женщину так показывать!..

А рядом картина Отто Дикса "Воспоминания о зеркальных залах в Брюсселе" — развратничанье военного в борделе. Даже по нашим временам — нескрываемое бесстыдство.

Антонова: Интересно, что у нас не было такой откровенной порнографии.

Астафьев: Теперь уже будет. Уже есть. Там же немножко узелок развязать — и все.

"Черный квадрат" Малевича — вечный камень преткновения для тех, кто не силен в теории.

Астафьев: Это моя "любимая" в кавычках картина.

Антонова: Из песни слова не выкинешь. Это было, поэтому мы даем. Заслуга Малевича в том, что он поставил точку. Он четко и ясно сказал: конец тому, что было, а дальше начинается другое! То, что это финальная вещь, — это точно. Он сформулировал финал. Образно сформулировал, если хотите.

Астафьева заинтересовали картины "Шар улетел" Сергея Лучишкина в зале 30-х годов, "Портрет Михоэлса" работы Натана Альтмана в зале театрального авангарда 20-х (предоставлен Бахрушинским музеем).

Но в зал N 11 — "Искусство в годы диктатуры" — действительно тянет как магнитом. На одной стене соцреализм наш, на другой — немецкий, точь-в-точь, только назывался у них как-то по-другому. Тут и герасимовские "Сталин и Ворошилов в Кремле" 1938 года (из Третьяковки), и члены политбюро в парке Горького среди детей. А у них — "Крестьянская семья из Калленберга" 1939 года, приобретенная когда-то лично Гитлером; и "Вначале было слово" Отто Хойера — действительно типичное заседание партячейки, где главный агитатор — будущий фюрер. Антонова показывает картину Хуберта Ланцингера "Гитлер-знаменосец":

— Видите, она испорчена штыком американского солдата.

— Правильно. Не балуй!

— И картины эти не из Германии. Все они пришли к нам из Вашингтона, из Центра военной истории Армии США и туда же вернутся. А в Германии нет такого музея, там картины такого рода были сразу после войны денационализированы.

Следующий апофеозный зал — N 12. Вторая мировая война. Астафьев перед картиной Эмиля Шайбе "Гитлер на фронте":

— Герои фатерлянда... Сейчас пойдут и умрут за него! Видимо, факт положен в основу. Не думаю, что это просто так написано. Нашто не больно с солдатами встречался. А этот сам себя солдатом называл. А их называл "мои солдаты".

В этом же зале — воссоединенный в Москве триптих Ханса Шмитца-Виденбрюка. По центру — "Солдаты" (привезено из Вашингтона); слева и справа — "Рабочий" и "Крестьянин" (собственность ФРГ).

Астафьев: В милитаризме есть какое-то совпадение повсеместное. Вот добро — оно да, оно разнолико. Вы только вспомните сейчас древнее искусство, сколько оно всего развивает! А вот это — упирается во что-то. Потрясающая картина. Надо ее смотреть хорошо. В ней собственно все. Весь фанатизм.

Вдруг радуется, увидев слева целую мини-выставку фотографий Герберта Тобиаса "Россия, фронт. 1943 год": босая старуха, печь на месте сожженного дома, чистильщик сапог — мальчишка лет семи, вот сам автор, тогда почти еще тинейджер, строит бункер. Фотографии совершенно пронзительные, но никакой ненависти к фоторепортеру не вызывают.

— Немцы мне этот альбом прислали! Интересный они народ. Вот у нас случилась перестройка — все прошлые дела сразу забыли. А у них ГДР вообще ликвидировали, но я в их генеральный календарь попал, и все это они мне прислали.

В последнем "победном" зале сразу бьют в глаза хрестоматийные Кукрыниксы, "Александр Невский" Корина из букваря. Астафьев дольше всего задерживается перед картиной Дейнеки "Сбитый ас". Это огромное вертикальное полотно: немецкий летчик стремительно летит головой вниз на землю, через тысячную долю секунды он напорется на торчащие из земли рельсы.

— Грандиозно. Бедный. Не раскрылся парашют...

Его уже тянут к лучезарному "Письму с фронта" Лактионова, какой-то доброхот удивленно подсказывает, что на картине Дейнеки — фашист же, враг, но Астафьев все оборачивается, сокрушенно качает головой:

— Парашют не раскрылся...

Задержались около двух скромных витрин. На одной — Пушкинский музей военного времени и разгрузка спасенных картин Дрезденской галереи 10 августа 1945 года. И Антонова говорит:

— А вот здесь, в уголке — я, молоденькая еще, только-только университет закончила.

И Астафьев ее — и голубушкой, и миленькой.

А на другой витрине — работы пленных немцев, генералов и офицеров, из Художественного музея Ивановской области. Пейзаж фельдмаршала Ф. фон Паулюса 1944 года: дорога, березки, облачка; масло по картону. С художественным вкусом был человек. "Зимний пейзаж" полковника Ф.Кайзера; "Альбом видов лагеря" генерала Б.Шатца.

В самом конце выставки, уже при спуске в Итальянский дворик, — скромная галерея: 17 портретов. Шостакович и Горький, Кете Кольвиц и Иоханнес Бехер. Те, кто так или иначе был в гуще событий XX века, живя на пространстве двух империй. Архитектор Борис Иофан, главным делом жизни считавший сооружение Дворца Советов. И архитектор Альберт Шпеер — любимец Гитлера, министр вооружения и боеприпасов нацистской Германии. Эдди Рознер. Хорошенькая Карола Неер, знаменитая Клеопатра и Элиза Дуллитл — в 34-м переехала в Москву, а умерла в 41-м в пересыльной тюрьме в Соль-Илецке от тифа.

Виктор Астафьев — и сам человек примечательной судьбы. Его на этой выставке, начиная с 30-х годов, к любой витрине подведи — все что-нибудь "свое" найдет. А на вопрос, понравилось ли, ответил:

— Разноплановая выставка, неординарная очень. На многом хочется задержаться. Меня как-то по большой галерее водил один писатель. И он мне говорит: "У меня тут есть одна любимая картина — "Девушка с письмом". Небольшая такая, золотисто-желтая. И я в конце концов определился в этой огромной галерее. Вот мне худо на душе или как — я прихожу и общаюсь с этой девушкой. Сяду и смотрю. И все тетеньки меня здесь уже знают". Вот и мне бы так — хоть три раза тут побывать, я бы что-нибудь выделил такое и через это открывал бы все остальное.

Записала
Наталья ЗИМЯНИНА.
Фото
Александра АБАЗЫ.

P.S. *После экскурсии по музею было еще и чаепитие в кабинете Ирины Александровны Антоновой, во время которого Виктор Петрович рассказал о своих встречах с новыми русскими в Таиланде, о посещении Ельциным деревни Овсянки, о Солженицыне... Почти восемь страниц диктофонной распечатки! Острые наблюдения, порой едкие комментарии... Но это позже, чтоб не сочли накануне выборов за пропаганду.*

Н.З.